

2. Ермолова Н. В. Река живых и река мертвых в мифопоэтической традиции эвенков // Природа и цивилизация. Реки и культуры: Материалы конференции. СПб.: Европейский дом, 1997. С. 119-126.
3. Кулемзин В. М. Река в мировоззрении хантов // Природа и цивилизация. Реки и культуры: Материалы конференции. СПб.: Европейский дом, 1997. С. 153-157.
4. Сотворение основы (Бундахишн) // Зороастрийские тексты. М.: Наука, 1997. С. 140-352.
5. Новикова Н. Религиозные представления манси о мире // Духовная культура народов Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1986.
6. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов: В 3 т. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 582 с.
7. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1983. 830 с.
8. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев: София, 1998. 201 с.

Наталья Николаевна ГОРБАЧЕВА —
доцент кафедры русской литературы
филологического факультета,
кандидат филологических наук

УДК 821.161.1.09

СИБИРСКИЕ РЕАЛИИ В ПРОЗЕ М. АЛДАНОВА 1930-Х ГОДОВ

АННОТАЦИЯ. Объект исследования – повесть «Пуншевая водка», созданная в 1937 г. М. А. Алдановым, ведущим историческим романистом русского зарубежья XX в. Это единственное опубликованное в России произведение писателя, действие в котором разворачивается в Западной Сибири. Предметом анализа в статье является характер использованных в тексте сибирских реалий и их функция.

The author scrutinizes M. A. Aldanov's story «The Punsh vodka» (1937) to define types and functions of Sibirian realia in the text. This story, being the only one on Siberian subject among M. A. Aldanov's works published in Russia, presents a good example of creative regional studies by the leading historical novelist among Russian emigrant writers of the 20th century.

Предваряя постановку цели работы, следует сказать, что в течение уже значительного времени культурологи региона, к сожалению, не могут преодолеть состояния, которое, перефразируя Л. Н. Толстого, можно назвать энергическим региональным патриотизмом. Опираясь историческими фактами, особенно новообретенными, обращаясь к разным по характеру источникам этих фактов, регионоведы склонны подчеркивать их особенную значимость именно и только для нашего края, в том числе для адекватного истолкования преимущественно регионального текста. Но в том и дело, что «региональный факт» позволяет зачастую глубже понять и то, что лежит далеко за границей региональной литературы. Доказательству этого тезиса посвящена статья.

Сибирская повесть М. Алданова «Пуншевая водка» создается в годы, которые были отмечены особым драматизмом: мир стоял на грани новой войны, на родине писателя совершались трагические события, о которых он не мог не знать.

Алданов-философ, историк и художник смотрит в это время на мир не только по-прежнему трезво, но и по-новому горько. Мысль об относительности всех ценностных аксиом занимает его.

В первых произведениях М. Алданова (цикл романов «Мыслитель» 1921–1927 гг.) она выражалась в формуле *deux – nombre fatidique*. Но в 1930-е гг. принцип относительности становится абсолютным в сознании писателя. Не историческое событие само по себе и даже не его влияние на судьбу человека, а горькая ирония человеческого бытия привлекает теперь Алданова. Потому и обращается прозаик в эти годы к новому жанру, названному им «философской сказкой». Ее главные приметы, по собственному определению художника, сухость психологического рисунка, отрывочность и «подчиненность всего основной идее». Эта последняя и есть идея относительности сущего.

Вместе с тем «Пуншевая водка» не перестает быть исторической повестью. А безусловная жанровая примета исторической прозы — строгая документальная основа. В случае с М. Алдановым это качество предельно выражено. Надо знать, кто он был — профессиональный историк, с необыкновенным пиететом относящийся к документу. Для всех его исторических произведений, к какому бы жанру они ни относились — роману, повести, рассказу, биографическому очерку, — характерно свойство, которое можно назвать «буквоедством»: автор не использует в тексте ни один исторический факт, если он документально не подтвержден независимыми источниками. Единственное исключение — текст сибирской повести «Пуншевая водка». Почему же?

Одна из главных сюжетных линий повести — возвращение из Сибири опального первого министра графа Миниха, который двадцать лет провел в Пелымской ссылке. Царский фельдъегерь привозит ему помилование и провожает в столицу. Параллельно истории «ссылочного невольника» ведется рассказ о жизни главного города Сибири. Губернатор озабочен меняющимися политическими обстоятельствами: в столице империи совершается переворот, трон занимает Екатерина II. Молодые живут своей жизнью: ставят домашние спектакли, из далекой Сибири списываются с самим Ломоносовым, влюбляются. Все так или иначе надеются быть счастливыми. Показательно, что подзаголовок повести — «Сказка о всех пяти земных счастьях».

Но Алданову близок пушкинский взгляд на вещи: «предполагаем жить — и глядь! как раз умрем». Единственно эта формула, по Алданову, справедлива для всех. Она подтверждается с помощью сквозного мотива текста. Это мотив пути, семантика которого двояка. Первая смысловая составляющая очевидна: это реальная дорога в пространстве, тракт, ведущий в сибирскую страну. Характеристика его осуществляется по-разному. Вводится курсивом оригинальная сибирская лексика, обозначающая местные бытовые реалии, растительность (туман, поварня, боярка, сибирский кедр и др.). Даже если лексика и не относится к собственно сибирской, ее выделение в тексте иным шрифтом подчеркивает чуждость открывающегося мира тому, кто на него смотрит.

Фиксируются географические ориентиры путешествия: Суксунские демидовские заводы, Кунгур, Яик, Уральский хребет, безымянный городок на границе Туринского округа, наконец — столица края. Она не названа по имени, но безусловно узнаваема. Тобольск дан глазами впервые увидевшего его человека. Городской пейзаж идентичен тому, который восстанавливает в своих записках прусский почт-директор Вагнер, проезжавший через Тобольск в ссылку в летние дни 1763 г., ровно через год после имеющих место в повести событий: «Тобольск обширен, ... все дома деревянные, за исключением губернаторского дома и церкви, архиерейский дом также каменный, построен на горе против крепости, а та гора, на которой живет губернатор, высока, крута и окружена стеною. Место это похоже на цитадель» [1]. И в повести «губернаторский дом на горе», «обрыв» — основные повторяющиеся пространственные координаты городского пейзажа.

Указанная семантика мотива пути как дороги в пространстве включает еще один нюанс — психологический. Сам характер езды передает особенность нрава сибиря-

ка, отличного от нрава россиянина: если «какой русский не любит быстрой езды», то какой сибиряк не любит «полета» [2]. В тексте читаем: «Михайлову казалось, что он несется на взбесившихся животных, которыми правит сошедший с ума звероподобный человек» [3].

Второй смысл мотива пути прямо связан с авторскими размышлениями о неизбежности «судеб». Алданов и здесь идет вслед Пушкину, который в автобиографических набросках припомнил, что дед его до самой смерти боялся колокольчика с большой дороги. Колокольчик — принадлежность фельдъегерской кибитки. Фельдъегерь — знак опалы. А. Герцен некогда писал о «дамокловой» кибитке, от которой в России не спрятаться. Важно, что у Алданова главный герой сюжета путешествия — как раз фельдъегерь. Ездит он часто и разными маршрутами — в Молдавию, например, которая не многим ближе к Петербургу, но именно порученье в Сибирь воспринимает Михайлов как дорогу в «смерть»: «уезжает надолго, а может, и совсем не вернется».

Сибирский тракт — дорога в чужой, все равно что «мертвый» мир. Чуждость, инакость (что русскому смерть — сибиряку в радость) концентрируется в анекдотическом эпизоде с возницей вогулом. Он от души угощает фельдъегеря тем, чем сам утешается в дороге: «Михайлов осторожно попробовал и сплюнул с отвращением — это был скипидар» [3: 439].

Взгляд на Сибирь как на «гиблый», «мертвый» мир давно стал в литературе общим местом. Ограничься М. Алданов только историей путешествия «в смерть» одного героя, он, думается, сказал бы лишь половину того, что хотел сказать. Путешественники Алданова делают поворот — и возвращаются туда, откуда некогда начали движение. Метафора круга в тексте принципиально значима. Показательно, что главным героем повести сделан Миних: некогда он отправил в Пелым Бирона; потом занял в Пелыме его место; в конце концов через 20 лет два старика встретятся в столице, и очевидец запишет в дневнике под датой 31 марта 1762 г.: «Граф Миних и Бирон курьезно увиделись первый раз во дворце» [4]. Определение «курьезно» говорит о многом: современники видели в этой встрече только иллюстрацию к банальному тезису о маятнике судьбы — «сегодня ты, а завтра я». Но М. Алданов банальностей никогда не писал.

Знаменательно, что действие повести разворачивается в узких временных рамках. Год нигде не назван, да и нужды в этом нет: главное событие в сюжете Большой Истории — свержение Петра III, основная политическая авантюра XVII в. Политик как «особая разновидность насекомого» писателю всегда был интересен. Потому особенно значим выбор на роль главного героя Бурхарда Кристофа фон Миниха — автора первого российского дворцового переворота, именно по его сценарию осуществлялись все последующие. Миних Алданова — воплощение того типа политика, которого следует назвать делателем Истории. Он — игрок, который идет ва-банк, сегодня проигрывает, завтра, возможно, выигрывает, но это всегда азартный игрок, «фараонщик», как называет его автор.

Рядом с авантюристом, фараонщиком Минихом представлен в повести иной тип политика, воплощенный вторым героем политического сюжета — губернатором Сибири. Именно в связи с ним возникает вопрос о документальной основе текста и способах авторского обращения с документальным фактом.

Источники свидетельствуют, что описываемое в повести время — пограничье царствования в Сибири двух равно неоднозначных, колоритных исторических фигур — тайного советника Федора Ивановича Соймонова (1757– конец 1762 г.) и генерал-поручика и кавалера Дениса Ивановича Чичерина (август 1763 г.). Ни одно из этих имен в повести даже не упомянуто. Сибирский губернатор просто не назван по имени. Более того, в текст введены такие характеристики персонажа, которые не позволяют отождествить его с кем-либо из исторических лиц. Предположить, что

М. Алданов не владеет историческим фактом, невозможно. Что умалчивает о нем сознательно — безусловно.

Соймонов и Чичерин, каждый по-своему, особенно последний, — воплощение оригинального характера, яркой индивидуальности, которая сказывалась и в быту, и в политической, и в административной сфере деятельности. «Иора, забияка», «вспыльчив до бесконечности», — таков Д. И. Чичерин в отзывах современников; Ф. И. Соймонов, по просьбе самой Екатерины, был его прямым наставником в политике.

Восстанови М. Алданов в повести подобный тип характера, он был бы не противопоставлен, а прямо соотносим с Минихом — азартным, решительным делателем истории. Потому-то и устроить автора такой прототип не может. Так появляется в тексте совсем иной персонаж — унылый безымянный немец, человек подчеркнуто расчисленного поведения, абсолютно потерявшийся в отчаянно понтирующей империи. Потому-то ссыльный Миних свысока взирает на, казалось бы, во всем успешного сибирского губернатора.

Однако, как всегда у М. Алданова, герои-антиподы политики-игроки парадоксально превращаются в двойников и равно сбрасываются с игрового стола жизни. Доказательством этого служит сюжетная линия молодых героев, тоболяков Вали и Володи. Значим уже выбор имен персонажей. Любовь, которая воплощает живую жизнь (Валя — Vale, здоровье, жизненная сила, здравствование), владеет миром (Владимир), противостоит призрачному, неверному миру политических игр как безусловная поначалу ценность — столь сильна прелесть чувств и на сцене домашнего театра, где разыгрывают высокую трагедию Ломоносова, и особенно за кулисами его.

Но испытание ценностных аксиом на этом не заканчивается. Оно продолжается с помощью расширения временного контекста повествования, чему в тексте служит прежде всего предметная деталь. Современники оставили описания дивных тобольских роскошеств губернатора Чичерина. Вполне им соответствует алдановское описание интерьера губернаторского дома, равного которому в России не видывал Михайлов. Ключевая же в нем деталь — «на стене полуголая женщина с огромной змеей, впившеюся в румяные груди», — портрет Клеопатры, произнесенными словами которой повесть и закончится: «Да, да, и я была такая же, как ты, и я была грешница, и у меня был Володя, и я была счастлива, и вот, посмотри, что из всего этого вышло...» [3:507].

Мысль об относительности обретенного каждым варианта счастья — «всех пяти земных счастья» — подчеркивается в повести и еще одним способом. По Алданову, сама возможность счастья связывается с понятием времени: тот, кому дано осознать течение времени, счастлив может быть только краткий миг. Тогда есть ли действительное счастье? В привычном нам мире — нет, ибо все мы так или иначе сознаем движение времени, конечность бытия. Но в другом, ином для нас мире, возможно, и есть, ибо он лежит вне привычного представления о времени. Персонификацией этого мира является в «Пуншевой водке» возница вогул. Он выполняет в тексте именно знаковую роль. Не случайно вогулом ямщика зовут только русские. Сам же возница «сказал о себе, что он собственно и не вогул, что отцы пришли сюда из другой земли, а из какой, не мог объяснить» [3:439]. Возница молится Воршуду, а Воршуд — бог удмуртского пантеона [5]. Этой уточняющей расшифровки автор в тексте, однако, не дает. Мнимый вогул нужен ему не как одушевленная точная этнографическая реалья, а именно как знак иного во всех проявлениях, другого, нездешнего мира, само существование которого делает если не безусловно ничего не стоящими, то сомнительными ценности привычного мира.

Если бы у исторических романистов были, как у многих их героев, щиты и девизы, М. Алданов наверняка написал на своем: «Все относительно». За этим скрыто, однако, не отрицание истины, а признание множественности истин в вечно неизменном, по мнению писателя, круге человеческого существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские /Сост. Пархимович С. Г., Туров С. В. Тюмень, 2000. С. 81.
2. Туров С. В. Сибирские пути-дороги в прошлом // Литературные университеты. Краеведение. Искусство. 2001. № I. С. 3-25.
3. Алданов М. А. Пуншевая водка //Собр. соч.: В 6 т. М.: Правда, 1991. Т. 2. Далее повесть цитируется с указанием тома и страницы непосредственно в тексте статьи.
4. Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России. 1725-1825 / Сост. Бойцов М. А. М.: Современник, 1991. С. 143.
5. Мифологический словарь. М.: Энциклопедия, 1990. С. 131.

Зинаида Романовна ЖУКОЦКАЯ —
и. о. зав. кафедрой журналистики
и гуманитарных наук Нижневартковского
экономико-правового института
(филиал Тюменского госуниверситета),
кандидат культурологии, доцент

УДК 821.161.1.09

ГЕОРГИЙ ЧУЛКОВ: МИСТИЧЕСКИЙ АНАРХИЗМ ИЛИ МУЗЫКАЛЬНЫЙ СИМВОЛИЗМ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется творчество одного из ярких теоретиков символизма, прозаика, поэта, эстетика, журналиста Г. И. Чулкова. В личности Чулкова — друга Блока и Белого, Мережковского и Гиппиус — выразительно преломились наиболее яркие психологические приметы времени.

The author analyses the works of G. I. Chulkov, who was a poet and a prose writer, a theoretician of symbolism and a journalist, as well as a friend of Block, A. Belyi, D. Merezhkovsky and Z. Gippius.

Музыка — скрытое метафизическое упражнение души, не умеющей философствовать о себе.

Артур Шопенгауэр

Вся жизнь Георгия Ивановича Чулкова (1879-1939), по выражению Гиппиус, являет собой «удачливую параллель трагической судьбы настоящего искателя правды». Еще в студенческие годы он был арестован (1902) и отправлен в ссылку как член революционной студенческой организации. Соприкосновение с Космосом и Вечностью — свобода в экзистенциальном смысле — определило философский «подтекст» и наполнило «таежным», неизвестным миром многие произведения приверженца символизма. Рецензируя один из первых его рассказов («Кремнистый путь», 1904), Поликсена Соловьева (псевдоним Allegro) отмечала беспредельное одиночество автора, его безнадежную оторванность, отчужденность от всего мира. Тайга для него стала «символом мировой и человеческой жизни». Один из своих сонетов Вяч. Иванов назвал «Таежник» и посвятил ссыльному студенту.

Появившись в Петербурге с «таежным» прошлым, Чулков в интеллигентской среде вызвал удивление и огромный интерес к собственной персоне, соединившей революционное прошлое и устремленность к крайним проявлениям модернизма.